

Цикл «Лимбус» написан в жанре сюань-хуань (玄幻 xiánhuàn), который сочетает в себе элементы азиатского и европейского фэнтези. Поскольку мир и герои являются полностью авторской задумкой, то значения иероглифов в именах и названиях переведены, учитывая погрешности, но согласованы с носителем языка.

Пролог

Записи о сотворении трех миров развеялись прахом по ветру, оставив после себя горькое осознание утерянной мудрости, и лишь старцы со священных заоблачных гор помнили Великое Начало и появление Лимбуса¹.

Три мира соткались из сумеречных теней, тающих в углах, ослепительного солнечного света и кристальной воды. В каждом из них зародилась особенная жизнь, непохожая на остальные.

Экнориан², мир людей, отличался выдающимися правителями, сердца которых горели доблестью

---

¹ Лимбус — точка соединения трех миров. Образовано от лат. *limbus* («рубеж», «край», «предел») — термин, использовавшийся в средневековом католическом богословии и обозначавший состояние или место пребывания не попавших в рай душ, не являющееся адом или чистилищем. Согласно представлениям о лимбе, в нем пребывают души тех, кто не заслужил ада и вечных мук, но не может попасть в рай по не зависящим от него причинам.

² Экнориан — мир людей; назван в честь первых людей, ступивших на землю, — Экнора и Норiana.

и отвагой. Благодатное солнце всегда светило над экнорианцами, а Великий Дух Земли¹ наградил их высшей ценностью — сильной душой.

Хэйдерес², мир демонов, считался самым опасным местом из всех существующих. Сумрак властвовал в царстве, плодя в тени мерзких красноглазых созданий, не знающих жалости и любви. Они напивались болью, становясь сильнее и приобретая самую ужасающую форму, которую только можно было вообразить. Выше них по иерархии стояли высокоранговые демоны, обладающие силой, справиться с которой могли лишь лучшие воины, владеющие духовным оружием. Все порождения сумрака беспрекословно подчинялись могущественному Владыке Тьмы. До появления Лимбуса низшие демоны безжалостно врывались в Экнориан и пожирали людей, а верховные Семь Смертных Грехов³ забавлялись и предпочитали

---

¹ Великий Дух Земли — в мире Экнориана представляет собой верховное божество для людей, которого они никогда не видели. Некоторые считают, что Великий Дух Земли (Бог) пришел из мира небожителей и отдал свою силу, чтобы создать мир людей.

² Хэйдерес (от греч. *Haidēs* — «подземное царство», ивр. «глубины земли») — мир демонов.

³ Семь Смертных Грехов — во вселенной «Лимбуса» понятие о грехах образовалось из-за демонов, которые использовали человеческие слабости, чтобы развратить их души. Самые искусные получили титулы Семи Смертных Грехов.

совращать самые яркие души, чтобы забрать их потом в Хэйдерес в качестве своих рабов. Но после свержения прежнего властелина новый Владыка Тьмы прекратил зверства и установил порядок в царстве демонов. Результатом его правления стал союзный договор между мирами.

Тинсингуо¹, мир небожителей, блистал среди остальных, как ослепительная луна на ночном небе в окружении мириад звезд. Он делился на верхний — Юньхай² и нижний — Фэнчжихай³. В Юньхай золотоглазые боги обладали красотой тела и высокой духовной силой, а жители Фэнчжихай в поисках бессмертия и стремлении стать небожителями ступали на путь совершенствования. Самые сильные воины жили в Тинсингуо, не было им равных во всех трех мирах. Однако небожители предпочитали не вмешиваться в дела людей и демонов. Они чтили покой и выступали наблюдателями за судьбами всех живых существ. Но даже их коснулись создания Тьмы.

---

¹ Тинсингуо (金星国 — «страна Золотой Звезды». Тинсин (金星 (jīnxīng) — «золотая звезда») и гуо (国 (guó) — «страна»)) — мир небожителей.

² Юньхай (云海 (yúnhǎi) — «море облаков») — верхний мир Тинсингуо.

³ Фэнчжихай (风之海 (fēng zhī hǎi) — «море ветров») — нижний мир Тинсингуо.

Устав от ожесточенных войн, великие правители пришли к согласию и заключили союз. Пролилась кровь на печати миров, и соединились они в одну, скрепляя договор. Так появился Лимбус — легендарное место силы, объединяющее все расы и дарующее гармонию и процветание. Он стал недостающим звеном между тремя мирами и связал судьбы их жителей прочной паутиной из нитей судьбы. Каждые сто лет скреплялся договор новой кровавой клятвой между великими правителями.

Но покой и порядок не могли длиться вечно. Десятая клятва была нарушена, и демоны ворвались в Экнориан. Кровавый дождь обагрил земли королевства Экнор, превращая их в кладбище. Люди без магической силы не могли противостоять порождениям Тьмы, а небожители предпочли не вмешиваться в войну и, покинув Лимбус, закрыли портал в свой мир.

Тогда король Энделлион заключил сделку с Верховным Жнецом — созданием вне трех миров, столь могущественным, что он был способен справиться и с демонами, и с небожителями. В обмен на защиту Экнориана Верховный Жнец потребовал каждые сто лет отдавать ему дань: юношу, в котором течет кровь короля Энделлиона.

Благодаря жертве правителя битва была выиграна, но Лимбус исчез.

Вместо него появилась Завеса — барьер, разделяющий три мира. Но и он не мог надолго сдерживать демонов. Вскоре они нашли способ проделать бреши в тонкой материи и проникнуть в мир людей. Но жнецы стояли на страже Экнориана, сражаясь с порождениями Тьмы в бесконечной войне. Даже спустя тысячу лет.

ГЛАВА 1

Месяц хризантемы (части 1–4)

ЧАСТЬ 1

*Тысячный день после сделки,
королевство Экнор*

*О, хризантема, осени цветок,
Склоняешь сотни лепестков
К ногам немого короля...*

Отрывок из стихотворения, посвященного правителю Энделлиону, никак не хотел выходить из головы. Он повторялся раз за разом, словно в красивых строках скрывался тайный смысл или подсказка. Говорили, что стих написал небожитель в память об утрате нашего великого короля. А теперь эти строки прилипли

ко мне, как колючка репейника, и не давали покоя уставшему разуму.

Я поудобнее устроился на узком подоконнике и свесил ногу, болтая ею в воздухе. Взгляд скользнул вниз, на садовников, копошащихся в королевском розарии. Они срезали увядшие цветы и убрали пожелтевшие листья, готовясь к празднику. Девятый лунный месяц уже наступил¹. Отец всегда называл его месяцем хризантемы. Иногда он бывал слишком одержим витиеватыми названиями, пришедшими к нам из страны Золотой Звезды, хотя никто из экнорианцев не видел живого золотоглазого небожителя и доподлинно не знал, что скрывает облачный мир Тинсингуо. Но что-то прочно укоренилось в Экноре с далеких времен благодаря королю Энделлиону. Насмешка ли судьбы, что день рождения знаменитого правителя и вторжение армии Тьмы пришлось на девятый лунный месяц и его любимые белоснежные хризантемы² обагрились кровью людей, превращаясь в цветы скорби и смерти?

¹ Девятый лунный месяц (菊月 (*jūyūe*)) — 23 сентября — 23 октября. Месяц хризантемы.

² Хризантема — цветы, символизирующие осень и девятый лунный месяц. Благодаря своим целебным свойствам хризантема является символом долголетия. Люди даже пили хризантемовое вино на девятый день девятого лунного месяца, чтобы

Вероятно, судьба насмеялась не только над ним. Я родился в тот же месяц и день, чтобы стать жертвой древнего договора. Вот только вместо хризантем меня преследовали дрянные лилии¹.

И кто сказал, что цветы прекрасны? Они душили своим резким запахом, который забивался в ноздри, въедался в волосы и кожу. Я не мог избавиться от него даже при помощи самых стойких ароматических масел. Кроме них вся моя комната, в зависимости от сезона, была уставлена вазами с луговыми травами или еловыми ветками. Иногда казалось, что утроба матушки тоже состояла из одних лилий. Даже сейчас, когда они уже отцвели, их запах стоял в каждой комнате дворца, и в мое восемнадцатилетие торт тоже будет украшен кремовыми лилиями. Тошно.

— Бреанейн. — За спиной раздался звучный голос старшего брата.

продлить свою жизнь. Из-за всего этого цветок часто носили на похоронах.

¹ Лилия — считается, что цветок поможет появлению в семье сыновей, их дарят женщинам на свадьбу или в дни рождения. Королеву Экнора одаривали лилиями, веря, что на свет появится второй мальчик, который станет жертвой для Верховного Жнеца, и защита Экнориана продлится еще на сто лет. Для принца Бреанейна цветок был символом его всеми желанной смерти ради мира.

Я нехотя оторвал взгляд от маленьких и потому смешных фигур садовников и повернулся.

— Что тебе нужно, мой любимый братец?

— Ты можешь хотя бы сегодня не быть таким засранцем? — Элмер сложил руки на груди и недовольно воззрился на меня.

Как и все действующие и будущие правители Экнора, брат гордо носил имя, начинающееся на букву «Э». Еще одна дань уважения деяниям Энделлиона, передающаяся из поколения в поколение. Интересно, если бы их можно было собрать в одной зале, то насколько быстро они запутались бы в именах друг друга? Радовало, что меня миновала участь быть одним из этой толпы.

— Приведи себя в порядок, ты не посмеешь пойти на церемонию в таком непристойном виде. Подумай о статусе нашей семьи и не смей портить празднество.

Вот он — наследник престола Экнора во всей красе. На каждом балу брат разбивал не одно женское сердце своей холодностью и неприступностью. Элмер был человеком высоких моральных качеств и строго следовал своим принципам — слишком хорош для обычного экнорианца и сучен, на мой скромный взгляд.

— А что тебя не устраивает в моей одежде, Эл? — Я выгнул спину и потянулся, отчего свобод-

ная шнуровка на рубашке разошлась, оголяя торс еще больше.

Мне нравилось его раздражать. Пока он был вынужден соответствовать статусу кронпринца, я с удовольствием танцевал на глазах у брата с прекрасными леди, пил вино и развлекался. Матушка часто упрекала меня в бессердечности по отношению к Элу, но что тут можно сделать, если из нас двоих только я был рожден жертвой для Верховного Жнеца и только я вынужден навсегда покинуть Экнор, а Элмер будет править им? Благородный король, затмевающий своим светом великое солнце! Где справедливость? Мне ведь даже не нужна корона, только спокойная жизнь во дворце, вечера в приятной компании, скучные дни в библиотеке, праздники на площади, балы, где вино льется рекой. Но нет, мою судьбу предрешили еще до рождения. Дрянные лилии! В такой момент начинаешь верить в их символизм.

Элмер в два шага пересек разделяющее нас расстояние и, схватив концы шнурка, резко затянул их. Тонкая ткань жалобно затрещала.

— Демонстрируй свое тело в другом месте, но не на церемонии, пока ты еще второй принц Экнора. Я не хочу, чтобы мой брат и сегодня опозорился. Слуги принесут тебе подходящую одежду.

— Надеюсь, она будет черной, словно тьма, — буркнул я и получил оплеуху.

— Если ты думаешь, что нам всем безразлична твоя жизнь, то ошибаешься. Матушка не смыкает глаз которую ночь и плачет. Отец мрачнее грозового неба, а я... — Он прикрыл глаза на мгновение и глубоко вздохнул, успокаиваясь. — Мне тоже не легко. Нейн, ты моя семья, хоть и бываешь несносным. Боюсь, я даже представить не могу, какие страшные мысли переполняют твою голову, но поверь, нам тоже тяжело отпускать тебя.

Он потрепал меня по волосам, прямо как в детстве, и ушел, покачав головой.

— Ну вот, наговорил всякого и оставил в одиночестве.

Слова брата смутили меня и пробудили тонкий голосок совести, которая упорно подавлялась все эти годы моим отвратительным самолюбием. Оно долго помогало мне продержаться, особенно после многократного повторения слова «никчемный», в стенах этого дворца.

Сразу стало неуютно, и я взял шнурки и специально их снова растянул, просто из вредности. По оголенной коже пробежали мурашки — не то от холода, не то от тревоги. Смотреть на преобразующийся сад больше не хотелось, и взгляд устремился к хмурому небу.

— Точно будет дождь. Оплакивают ли небеса меня или я прогневал их, удостоившись лишь темных туч?

Теперь уже строки из другого стиха всплыли в голове. Слишком много трагичной поэзии для одного дня. За дверью закопошились, словно кто-то не мог определиться, стоит ли ему тревожить меня или лучше не трогать взбалмошного второго принца, готового запустить канделябр даже в лорда. Забавный был случай. Один из тех, о которых хотелось сохранить воспоминание. Все восприняли возмутительный поступок как очередную выходку сумасбродного монаршего отпрыска, но я ликовал от маленькой мести этой статусной дряни, посмевшей распускать руки с юными служанками. И плевать я хотел, что на такие поступки высшее общество смотрит снисходительно. В моем справедливом мире мерзких людей ждало наказание, а вид подпорченного лица лорда — примерного семьянина с тремя детьми и прелестной женой — немного удовлетворил мою жажду правосудия.

— И долго его высочество будет ждать? — крикнул я насмешливо.

За моими словами последовал тихий стук, а потом в покои вошел мой старый и верный камердинер. Он всегда улыбался, отчего в уголках губ и глаз собирались глубокие морщинки.

— Его высочество может и подождать старика. Я уже не в том возрасте, чтобы бегать за вами, принц.

— Альдо, прекрати говорить о возрасте. — Я соскочил с подоконника и выдвинул для него кресло. — Ты точно переживешь меня.

Камердинер осуждающе покачал головой и взмахнул рукой в идеально белой перчатке. Следом за ним прислуга внесла праздничную одежду и шкатулки с драгоценностями. Не иначе как братец поторопил их, беспокоясь о моем надлежащем виде. Даже в последний день я не мог быть собой.

— Пора собираться. Его высочество желает, чтобы его одели?

Младшие служанки скромно опустили взгляд, но от меня не скрылись их многозначительные улыбки и покрасневшие щеки. Раньше их смущение в сочетании с неприкрытым вожделением в глазах вызывало во мне чувство удовлетворения и легкого превосходства. Я прекрасно осознавал свою привлекательность и беззастенчиво наслаждался вниманием к своей внешности. В отличие от того лорда у меня не было обязательств перед возлюбленной или женой, но переходить рамки дозволенного и приставать к служанкам противоречило моим принципам. А сейчас и во-

все не хотелось, чтобы меня трогали чужие руки, даже сквозь ткань.

— Не в этот раз, Альдо. — Голос прозвучал жалко, и я прикусил язык, ругая себя за несдержанные эмоции.

Явно расстроенные моим решением, служанки аккуратно положили одежду и, поставив древнюю шкатулку на стол вместе с остальными драгоценностями из королевской сокровищницы, ушли. Камердинер плотно закрыл за ними двери, а потом чуть подрагивающими руками откинул крышку резной коробочки с потускневшими золотыми вензелями по бокам. Альдо слабо улыбнулся и протянул шкатулку мне. На подушечке из темного бархата лежала пара драгоценных сережек-капелек с кроваво-красными камнями. Отчего-то они показались мне жутковатыми, и я тяжело сглотнул.

— Надеюсь, что это не какая-то тысячелетняя реликвия, которую обязаны носить все жертвы? — Шутка вышла неудачной.

— Я бы никогда не принес его высочеству украшение с настолько трагичной историей. — Альдо тепло посмотрел на серьги. — Они давно хранились в моей семье, передаваясь от отца к сыну, и теперь настало время попрощаться с ними. Ваше высочество, уважьте бестактную просьбу вашего слуги и наденьте их на церемонию.

